

истическим, противодействующим общественно ценному. В подчинении, подавлении эгоистического и заключается специфическая цель (функция) морали.

Мораль направлена на гармонизацию личного и общественно-го, но в этом положении еще не раскрывается специфика морали. Этой гармонизации могут способствовать и другие средства, например, материальное стимулирование труда, дальнейшая демократизация общественной жизни и т. д. Мораль решает эту задачу своим особым способом.

Ее своеобразие состоит в том, что для нее эта гармонизация является внутренне, субъективно исходным пунктом, а внешне, объективно конечным результатом, причем достигаемым в общем итоге, но отнюдь не всегда в каждом индивидуальном случае. В центре морали, взятой в ее индивидуальном действии, находится подчинение эгоистического общественной норме и направленному на ее утверждение моральному мотиву. В «средних» обстоятельствах при этом, как правило (в условиях социализма), достигается гармония личного и общественного, реализуется полная цель. В крайних же, наиболее трудных случаях личное приносится в жертву общественному, полная цель, гармония личного и общественного не достигаются.

Таким образом, моральная цель не тождественна идеалу гармонии личного и общественного, хотя и находится с ним в связи и включает его в качестве своего момента.

В. А. БЛЮМКИН

УЧЕНИЕ КАНТА О ДОБРОДЕТЕЛЯХ И ПОРОКАХ

За период почти двухсотлетнего существования этики немецкого мыслителя внимание ее сторонников и противников было сосредоточено на анализе основных идей Канта, нашедших свое концентрированное выражение в учении о моральном законе, категорическом императиве. Эту тенденцию можно обнаружить и в современном кантоведении¹, причем в целом она, несомненно, оправдана, ибо позволяет вычлениить то новое и наиболее важное, что внес в этику Кант, поставив вопросы о сущности, структуре, и специфике морального сознания. Однако нельзя не видеть того, что интерес к проблематике человеческой свободы, категорического императива, морального долга ослаблял внимание к некоторым другим важным сторонам кантовской этики. Одной из таких сторон как раз и является учение о добродетелях и пороках.

История этики свидетельствует о том, что вопрос о добродетелях и пороках представляет собой не только одну из самых старых, но и одну из центральных этических проблем. В ее исследовании исторически сложилось разграничение смысла следующих пар понятий: добродетель и порок, добродетели и пороки. В первом случае речь идет, как правило, о характеристике морального облика личности в целом, об ее моральности или аморальности;

во втором же случае имеются в виду различные частные проявления моральности, отдельные моральные качества личности.

Кант, критически анализируя всю предшествующую ему этику, отдает дань традиции и говорит как о добродетели, так и о добродетелях. Но в его этике преобладает второй аспект, связанный с попыткой теоретически обосновать систему добродетелей и пороков. Глубокий интерес немецкого мыслителя к изучению основных моральных качеств личности обнаруживается уже в работах «докритического» периода, особенно — в «Наблюдениях над чувством прекрасного и возвышенного» (1764).

Так, например, он один из первых в истории этики показал положительное значение гордости, решительно противопоставив ее высокомерию. «Гордость, — писал он, — есть в сущности только большая степень сознания своего собственного достоинства и часто может быть совершенно справедливой...» (2, 175). В условиях господства христианского миросозерцания, рассматривавшего гордость как первый из смертных грехов, такая постановка вопроса была не только глубокой, но и достаточно смелой. Весьма интересен и кантовский анализ чувства чести и таких связанных с ним качеств, как честолюбие, тщеславие, стыд. Решительно отличая эти феномены от истинной добродетели, что характерно для этических взглядов Канта, он признает, что «поскольку чувство чести все же весьма тонкое, я могу назвать то подобие добродетели, которое оно порождает, *показным блеском добродетели*» (2, 140).

То, что в ранних работах имело форму отдельных и не очень систематизированных «наблюдений», позднее превращается в довольно стройное, теоретически обоснованное учение. «Критический» Кант уже прямо и непосредственно выводит добродетель из долга, из морального закона. По Канту, долг добродетели — в отличие от правового долга, для которого возможно внешнее принуждение, — «покоится только на свободном принуждении» (4(2), 317), а сама добродетель есть «твердость максимы человека» (4(2), 329) или «моральная твердость воли человека в соблюдении им долга» (4(2), 341). Что касается порока, то он представляет собой преднамеренное нарушение долга, ставшее принципом (4(2), 325), и является контрарной противоположностью добродетели (4(2), 317).

Но не только сущность добродетели интересует Канта. Он самым тщательным образом анализирует несколько десятков добродетелей и пороков, много внимания уделяет их систематизации. Критически осмысливая основные идеи своих предшественников, немецкий этик обосновывает свой оригинальный подход к построению системы моральных качеств.

В «Метафизике нравов» Кант подвергает критике три древние афоризмы (афоризм, поучительное изречение):

1. Есть только одна добродетель и только один порок. 2. Добродетель есть соблюдение середины между пороками. 3. Добродетели (подобно благоразумию) должно учиться на опыте (4(2), 338—340). Остановимся на кантовской критике лишь второго из

этих положений, критике, в которой очень наглядно проявились существенные черты его учения о добродетелях.

Кант направляет свои критические стрелы против выдвинутого Аристотелем положения о добродетели как середине между двумя пороками, из которой один порочен в силу заключенного в нем избытка, а второй — недостатка². Этот тезис широко используется античным мыслителем в качестве методического правила при классификации личностных свойств, которые он разбивает на своеобразные трехчлены, каждый раз подчеркивая, что середина в таком трехчлене есть добродетель, а крайности суть пороки.

Аристотелево «правило середины» повлияло на последующих исследователей моральных качеств, среди которых оно имело как восторженных поклонников (схоласты), так и критиков. В ряду последних Кант был, пожалуй, самым непримиримым. Он решительно заявляет, что это «хваленое основоположение» Аристотеля — ложно, что оно содержит плоскую мудрость, не имеющую никаких определенных принципов («ведь кто же укажет мне это среднее между двумя крайностями?» (4(2), 339—340, 370—372).

На примере одного из Аристотелевых трехчленов (скудость — бережливость — расточительность) Кант показывает, что дело здесь не в степени, не в количественном изменении (уменьшении или увеличении), которое делает крайности пороками, а в том, что «каждый из этих пороков имеет свою максиму, необходимо противоречащую максиме другого» (4(2), 340). Кант даже допускает, что по прагматическим правилам, т. е. правилам благоразумия, в ряде случаев можно требовать, чтобы указали эту середину, представляющую наилучшее правило действия, но по правилам нравственности этого делать нельзя. При этом он замечает, что «...быть *слишком добродетельным*, т. е. *слишком придерживаться долга*, означало бы примерно то же, что сделать круг *слишком круглым* или сделать прямую *слишком прямой*» (4(2), 371).

Нельзя не видеть глубину и пронизательность критических замечаний Канта, который верно подметил слабость теоретического обоснования «правила середины» у Аристотеля. Справедливо и его замечание о том, что нельзя «быть *слишком добродетельным*». Действительно, в ряде случаев избыток какого-то качества вовсе не является пороком, а представляет собой проявление добродетели в чрезвычайных обстоятельствах, ее высшее проявление. Таковы, например, самоотверженность и самопожертвование во имя выполнения долга, и кощунственно было бы называть героя *слишком добродетельным*.

И все же Кант недооценил значение правила Аристотеля, пренебрежительно отмахнувшись от него, как от «плоской мудрости». Между тем создатель «Никомаховой этики» правильно подметил свойственное морали противоречие между личными и общественными интересами. Перетолковывая его правило на основе современного понимания морали, можно сказать, что добродетель соответствует определенной мере, гармоническому сочетанию личного и общественного интересов при примате последнего. Нарушение

этой меры в сторону преобладания личного интереса, как правило, дает порок, нарушение же ее в направлении принижения личного блага и даже отказа от него может и не быть пороком, а — лишь формой бытия добродетели в чрезвычайных обстоятельствах.

Существуют, по крайней мере, две причины, которые привели Канта к полному отрицанию рассматриваемой идеи Аристотеля. Это, во-первых, ложность некоторых собственных методологических установок Канта, который, ратуя за «чистую» моральность, не «загрязненную» никакими эмпирическими интересами и мотивами личного счастья, нередко метафизически противопоставлял порок добродетели, не признавал степеней последней и возможности ее превращения в порок при нарушении меры в ту или иную сторону.

Во-вторых, в своей критике Аристотеля Кант смешивает два разных вопроса: А) о теоретической обоснованности «правила середины» и возможности его использования в теории при классификации моральных качеств; Б) о возможности на практике измерить, определить эту добродетельную середину. Отвергая положение Аристотеля в силу его практической непригодности, Кант недооценил его теоретическую значимость, которую оно, по нашему мнению, не утратило и в настоящее время. Да и с точки зрения практической, надо признать, что люди всегда умели находить меру, нарушение которой превращает добродетель в порок, и определять границу между ними с достаточной для человеческих отношений точностью.

На второй части этого деления Кант останавливается кратко, сводя и долг перед животными, и долг перед ангелами и богом к долгу человека перед самим собой. Как явную уступку теологам можно рассматривать его вывод о том, что «иметь религию — долг человека перед самим собой» (4(2)3, 83).

С точки зрения типологической, наиболее интересно изложенное в «Метафизике нравов» этическое учение о началах, которое состоит из двух частей: об обязанностях по отношению к самому себе вообще и об обязанностях добродетели по отношению к другим (4(2), 351—418). Соответственно все добродетели и пороки делятся на два больших класса, или типа.

К первому из них Кант относит: самосохранение (долг человека перед самим собой как животным существом) и такие нарушения этого долга, как самоубийство, распутство, пьянство, обжорство; правдивость, честность, добросовестность, искренность, бережливость, самоуважение и соответствующие пороки — ложь, жадность, ложное смирение (раболепие), совесть, бессовестность и некоторые другие качества.

Ко второму типу относятся добродетели и пороки, основанные на выполнении человеком обязанностей добродетели по отношению к другим людям: человеколюбие, благотворение, благодарность, участливость, сострадание, скромность, почтительность, дружба, добродетели обхождения (доступность, словоохотливость, вежливость, гостеприимство, мягкость) и пороки — человеконена-

вистничество, зависть, неблагодарность, злорадство, высокомерие, злословие, издевательство и др.

Таковы вкратце типологические идеи Канта, которым при всей их спорности и противоречивости нельзя отказать в глубине и новизне. Сравнение с тем, что было сделано в этике до Канта, позволяет сделать вывод, что предложенная им система является одной из самых удачных в домарксистской этике как по своей полноте и логической завершенности, так и с точки зрения правильности исходного принципа систематизации моральных качеств, где система осуществляется не на психологической, а на социальной основе (долг, общественные обязанности человека). Кант высказал также ряд глубоких идей о природе отдельных моральных качеств, о связях между ними (о некоторых из этих идей упоминалось выше, подробный же их анализ не входит в нашу задачу).

Разумеется, учение Канта о добродетелях и пороках далеко от совершенства. В нем нетрудно обнаружить и печать исторической ограниченности, и теоретическую непоследовательность. Кант разделяет со всей домарксистской этикой грех абстрактного, внесторического подхода к анализу моральных качеств личности. Ряд недостатков его учения обусловлен пороками собственной философской и этической концепции. Метафизичность и идеализм в трактовке морали, отрыв ее от объективной основы — все это наложило свой отпечаток на кантовское учение о моральных качествах.

Тем не менее, будучи великим мыслителем и тонким исследователем морали, глубоко понимавшим ее специфику, Кант в ряде случаев под напором фактов нравственной жизни отступал от собственных принципов рассмотрения морали как «чистого» практического сознания, совершенно независимого от какой-либо эмпирической основы. Весьма характерно, что именно в учении о добродетелях и пороках, тесно связанном с моральной практикой, он нередко (хотя и с рядом оговорок) идет по пути смешения, объединения морального и природного (биопсихического), рационального и чувственного, т. е. поступает вопреки им же провозглашенным жестким теоретическим установкам.

Таким образом, в учении Канта о добродетелях и пороках проявились и сильные, и слабые стороны его этики, ее величие и ее историческая ограниченность. Но даже при всех его недостатках мы вправе рассматривать это учение как одно из значительных достижений домарксистской этики, как серьезный вклад в подготовку научной теории моральных качеств личности.

¹ См., например, обзор докладов, представленных четвертому Международному кантовскому конгрессу, который состоялся в Майнце в апреле 1974 г. (Философские науки, 1975, № 6, с. 139—144). См. также работы советских исследователей этики Канта: Асмус В. Ф. Этика Канта (4(1)); Гумницкий Г. Н. Теория морали Канта и некоторые проблемы марксистской этики. — В кн.: Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1977, Вып. 2; Дробницкий О. Г. Этическая концепция Иммануила Канта. — В кн.: Проблемы нравственности. М., 1977 и др.

² См.: Аристотель. Этика (к Никомаху). Спб., 1908, с. 31, 35.